

люди любили классику, они собирали античные произведения — сначала Петрарка, потом Боккаччо, дожидаясь времени, тогда уже близкого, экспедиций Поджо Браччолини (Bracciolini, 1380—1459)* в библиотеки Швейцарии, Германии, Франции и даже Англии. То было время «открытия классиков», хотя, конечно, «открытие» заключалось лишь в обнаружении рукописей, скопированных и хранящихся в средневековых библиотеках, рукописей, из которых некоторые были потеряны, а другие нередко исправлены согласно канонам средневековой латыни, отнюдь не бывшей латынью древних авторов. Кстати, имя Поджо Браччолини нас как бы предупреждает о том, что некоторые гуманисты XV века меньше пребывали у алтаря, чем их предки. Салутати видел, что они приходят: «Nimis defertis et ceditis vetustati»**, — писал он о Поджо и о своем друге Джо-ванни д'Ареццо. К этому он добавил: «Что касается меня, то из евангелистов я предпочитаю Иоанна; из апостолов — Павла; но из учителей Церкви я предпочитаю Августина. А у вас, дорогие друзья, есть ли такой язычник, которого вы бы предпочли Августину? Какой-нибудь философ, оратор или поэт?

Что до меня, то я ставлю Августина гораздо выше Платона, Аристотеля, Цицерона, Вергилия и Варрона». И не только Августин, не только Петрарка, а самый убогий христианин — выше всех этих великих людей. Чтобы узнать, что мир не вечен, что Бог всемогущ и свободен, что душа не умирает вместе с телом, что удовольствие не является конечной целью жизни, — достаточно быть христианином. Так хороша была — при определенных серьезных нюансах в убеждениях — прочная уверенность образованных людей XIV века, вновь обретенная после смерти Боккаччо. Но когда Салутати спрашивает юного Поджо, которого он любил как сына: «Вы понимаете, куда вас может завести ваше упрямство, — вас, отрицающего истину, которая не может быть доказана?», этот тревожный вопрос возмущает о моменте, когда многие не будут больше сохранять классическую культуру вне теологии отцов Церкви. «Doctrina enim magna ex parte ad profanos translata est, unde, ut plurimum, iniquitatis evasit et lasciviae instrumentum»*** — меланхолически констатирует Марсилио Фичино****. Его «Платоновское богословие» («Theologia platonica») будет поддерживать во Флоренции Медичи идеал Флоренции Салутати, однако уже в новых условиях. Впервые после эпохи отцов Церкви конфронтирующая с языческой культурой, родившейся на почве Италии, христианская культура средних веков займет оборонительную позицию. Началась новая фаза ее истории.

ЛИТЕРАТУРА

Возвращение светской литературы в Италии: Toffanin Gius. Storia dell'Umanesimo dal XIII al XVI secolo. Napoli, 1933; Sapegno Nat. II trecento. Milano, 1934.

Петрарка: Francisci Petrarcae Opera omnia. Basileae (Basel), 1581; Capelli L. M. De sui ipsius et multorum aliorum ignorantia. P., 1906 (имеется французский перевод этой работы (перев. Julietta Bertrand): Sur ma propre ignorance et celle de beaucoup d'autres. P., 1929); Nolhac P. de.

560 Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков

Petrarque et l'humanisme. 2e ed. P., 1907, vol. 1—2; Cochin H. Le frere de Petrarque et le livre du Repos des religieux. P., 1903; Robinson J. H., Rolfe H. W. Petrarch, the First Modern Scholar and Man of Letters. 2. ed. N. Y., 1914; Tatham E. Francesco Petrarca, the First Modern Man of Letters. L., 1925— 1926, vol. 1—2.

Боккаччо: Genealogie Johannis Boccacii. P., 1511.